

Шэн Лююй видел сон. Один и тот же сон, затертый до дыр частыми возвращениями.

В этом сне он томился в беспросветном мраке — без единого луча света, без тепла, без звуков. Вокруг не росло ни травинки, не было и намека на уютное, согретое материнским пухом гнездо для новорожденного птенца.

Там царил пронизывающий холод.

Холод, который он всем сердцем ненавидел.

Он чувствовал себя зажатым в тесной скорлупе, где невозможно было даже расправить крылья. Лишь тогда к нему приходило осознание: он всё еще не вылупился, он всего лишь яйцо.

Даже божественная птица, пока не разобьет свою колыбель, остается хрупкой, беззащитной и совершенно беспомощной.

Ему отчаянно хотелось понять, где он очутился. Из последних сил он пытался раскачать скорлупу, перекатиться с боку на бок, чтобы разглядеть хоть что-то позади себя.

Время здесь словно застыло. Спустя вечность невероятных усилий ему наконец удалось перевернуться. Взору его открылся отвесный, идеально ровный срез гигантской скалы. Ни верха, ни низа у нее не было: в вышине не светило солнце, а под ногами разверзлась бездонная пропасть.

Ему повезло: яйцо застряло в узкой каменной расщелине. Не случись этого, оно давно бы сорвалось вниз и разбилось вдребезги.

Напрягая зрение, он всматривался в пространство. Напротив высилась такая же крутая круча, усыпанная тусклыми зелеными огоньками. Они теснились друг к другу, напоминая осколки дешевого нефрита, извалявшиеся в грязи. Даже свет их казался мутным, нечистым — он не разгонял мрак, а лишь делал его уродливее.

Там, в темноте, нечто искало его. Тварь жаждала пожрать его, но никак не могла подобраться к заветной щели.

Шэн Лююю стало страшно. Послушно и осторожно он перекатился обратно, предпочитая упереться в глухую тьму, лишь бы не видеть этих мерзких зеленых осколков.

В том странном месте не было ничего, кроме холодного камня, мириад грязных нефритовых обрезков и одного невылупившегося птенца.

В том небе никогда не восходили ни солнце, ни луна; сюда не долетал ветер, не падал дождь или снег.

Он не знал, происходило ли это с ним наяву или же подобный кошмар снится каждому невылупившемуся птенцу.

Свое детство он помнил смутно — всё скрывала густая дымка забвения.

Но в этот раз сон пошел иначе. Даже когда Шэн Лююй осознал, что грезит, видение не растаяло.

Внезапно до его обоняния донесся густой аромат кедровых орешков, смешанный с мягким, ненавязчивым запахом благовоний. Для любой птицы это было невыразимо соблазнительно.

Пятнадцатилетней птице Чанмин никогда не доводилось пробовать обычные мирские орехи, но инстинкт безошибочно подсказал ему и вкус, и название. Наверное, это знание было заложено в крови каждого пернатого.

Мало того, он чутко улавливал тончайшую разницу между цельной горстью, очищенными ядрами и пустой скорлупой.

Он точно знал: у того человека припасено немало орехов. Он тщательно очищал их один за другим и складывал в кучку, но сам не притрагивался, словно берег для кого-то особенного.

Но ведь в бамбуковой роще не было других птиц! Для кого тогда эти старания?

И если они предназначались не ему, зачем вообще было чистить их прямо у него на глазах?

Однако тот человек действительно не поделился ни единым ядрышком. Собрал всё до последнего и спрятал.

И сделал это демонстративно.

Поскольку это был всего лишь сон, Шэн Лююй легко отбросил логику, забыв, что они толком и не знакомы. В его сонной голове созрел единственно верный вывод:

«Этот человек — несносный грубиян».

На этой мысли он проснулся.

Едва открыв глаза, Шэн Лююй ощутил чужое присутствие. Тот самый нарушитель его

спокойствия — этот несносный грубиян — стоял всего в десяти шагах от него.

Дистанция приличная, вежливая, но в затуманенном сном разуме Шэн Лююя вспыхнула лишь одна мысль: мир тесен, а враги встречаются слишком часто.

Сэ Чанмин наблюдал, как великая птица Чанмин — священное создание, перед которым все заискивали, — медленно возвращается в реальность. Спал юноша без особого изыска, с ног до головы усыпанный сухими листьями платана. Благо, во сне он лишь неразборчиво бормотал, не оставив никаких улик вроде потекшей слюны.

Сэ Чанмин сделал два шага вперед и протянул ему корзину. Старательно притворяясь, будто не замечает слепоты и глухоты своего визави, он четко и размеренно объяснил, откуда взялись эти духовные плоды.

Ожидаемо, маленький заморыш не расслышал ни единого слова. Лишь когда Сэ Чанмин замолчал, юноша после долгой паузы величественно кивнул, словно и впрямь соблюдал безмолвный дзен.

Разумеется, принимать дары напрямую благородной птице Чанмин не подобало по статусу, так что корзину он в руки брать не стал.

Сэ Чанмину, выросшему среди простых смертных, до этих церемоний дела не было. Он подошел к домику, толкнул дверь и заглянул внутрь: в комнатах царило безмолвие, ни души.

Похоже, Шэн Лююй действительно прогнал всех слуг и остался один.

Поставив корзину на стол, Сэ Чанмин заметил, что лежащая на краю нефритовая дощечка слабо мерцает — должно быть, пришло послание от господина Сюй Цяньлиня.

«Этот маленький слепец едва ли скоро заметит сияние», — подумал он.

Поколебавшись мгновение, Сэ Чанмин взял дощечку и направился обратно к раскидистому платану.

На этот раз он подошел вплотную.

Шэн Лююй взял нефритовую пластину. Стоило его пальцам коснуться резного углубления, как высвободившаяся духовная энергия соткалась в воздухе над дощечкой в осязаемые знаки — это письмо отличалось от того, что получал сам Сэ Чанмин.

Сэ Чанмин догадался: сотворенные силой знаки были лишены тепла, и Шэн Лююй не мог их «увидеть». Чтобы донести весть, господин Сюй Цяньлинь прибег к особому приему.

Юноша протянул ладонь, пытаясь наощупь прочесть парящие в воздухе строчки.

На Шэн Лююе было изумрудное одеяние с широкими рукавами. То ли шелк оказался слишком скользким, то ли сам он был излишне худощав, но, когда он поднял руку, рукав соскользнул, обнажив белоснежное предплечье. Его тонкое запястье украшал изящный резной браслет в виде переплетенных лotosовых стеблей. На нем красовались три цветка: два распутившихся бутона на одной ветке и один закрытый, замерший в ожидании своего часа.

Заметив чужой любопытный взгляд, Шэн Лююй тут же поспешно одернул рукав, скрывая украшение. Кончиками бледных, тонких пальцев он принялся бережно прощупывать светящиеся символы.

Послание господина Сюя гласило:

«Пребывание молодого господина Шэна в академии Луинь — великая честь для нас. Должно быть, директор уверял вас, будто вы можете спокойно провести здесь два года, не обременяя себя заботами. Однако я придерживаюсь иных правил. Как строгий наставник, я не потерплю праздности в этих стенах. Позволить вам впустую растратить драгоценное время было бы непростительной ошибкой. А потому вам придется учиться. Посещение занятий обязательно.

Каждые полгода ученики проходят проверку знаний. Если молодой господин Шэн провалит испытание, ему придется остаться на повторный срок. И так из года в год, без конца и края».

Самый жуткий исход: провал на экзаменах означал вечную каторгу в стенах академии Луинь.

Спустя мгновение духовная энергия развеялась, и строчки растаяли без следа, канув в небытие.

Отныне об этом знали лишь небо, земля, наставник Сюй да сам Шэн Лююй.

Ну и Сэ Чанмин, стоявший достаточно близко, чтобы разобрать каждое слово. Он не выдержал и тихо хмыкнул.

Повернув голову, он взглянул на юношу.

Хотя глаза заморыша скрывала полупрозрачная облачная дымка, на его лице застыло такое ошеломление, словно на него только что обрушился удар грома.

«Но ведь уговор был совсем другой!» — мысленно сокрушался он.

И пускай Шэн Лююй не произнес ни звука, Сэ Чанмин ни секунды не сомневался, что угадал его мысли.

Условия и впрямь разительно отличались от обещанных.

Судя по всему, маленькая птица Чанмин прибыла в академию лишь потому, что подошел срок явить Небесному Дао успехи Лулинь. Шэн Лююй должен был стать благородным талисманом: отдыхать в свое удовольствие, пока остальные грызут гранит науки, и ни о чем не заботиться. Но внезапное вмешательство сурового господина Сюя разрушило эти радужные планы — теперь учебы не избежать.

Вот только Шэн Лююй был наполовину глух и слеп. Одного усердия тут мало: для него постижение многих дисциплин грозило превратиться в гадание вслепую, лишенное всякого смысла.

Раздавленный этой новостью, Шэн Лююй бессильно прислонился спиной к стволу платана.

Сэ Чанмину стало искренне жаль бедолагу.

Впрочем, выказывать жалость он не стал. Сохраняя безучастный вид, он лишь вежливо поклонился, прощаясь, и направился к выходу.

Шэн Лююй вяло махнул рукой в ответ.

Сэ Чанмин толкнул калитку и, миновав заросли диких роз, зашагал вниз по тропе.

Внезапно из-за ограды усадьбы вылетел крупный сухой лист платана. На нем, покачиваясь, лежал крошечный бумажный комок. Лист замер в воздухе и с силой швырнул этот комок вслед уходящему гостю.

Даже не оборачиваясь, Сэ Чанмин вскинул руку и поймал летящую бумажку.

Выполнив свое предназначение, лист платана безмятежно опустился на землю.

Разгладив комок, Сэ Чанмин прочел кривоватые строчки:

«Я постигаю безмолвный дзен».

Намек был прозрачен: Шэн Лююй прекрасно расслышал его смешок.

Следом шло еще несколько слов, но их тщательно замазали тушью.

«Значит, не такой уж он и беспомощный, — усмехнулся про себя Сэ Чанмин. — Скорее, наполовину глух, наполовину слеп».

Расслышать чужой голос юноша мог лишь в непосредственной близости, а в обычное время предпочитал укрываться за обетом молчания. Так было гораздо проще избегать лишних расспросов и держать людей на расстоянии.

И всё же упрямый характер взял верх: Шэн Лююй не удержался от возражения, решив уколоть собеседника и показать, что его дерзость замечена и не забыта.

Сэ Чанмин перечитал испорченную каракулями записку несколько раз. Уголки его губ невольно поползли вверх. Несмотря на внешнюю холодность и надменность, эта маленькая птица Чанмин казалась весьма забавной.

«Похоже, все пернатые по-своему очаровательны, — подумал он, — будь то простейший духовный зверь или великое божественное создание».

Даже спустя долгое время после ухода гостя Шэн Лююй никак не мог успокоиться, вновь и вновь прокручивая в голове тот злополучный смешок.

Да, со слухом у него были нелады. Да, смех Сэ Чанмина прозвучал тихо и мимолетно. Но ведь они стояли почти вплотную! Не круглой же сиротой он был в мире звуков, чтобы пропустить такое мимо ушей?

Он усердно разыгрывал перед всеми обет молчания, скрывая свой недуг, а этот наглец посмел так открыто издеваться над ним. Какая неслыханная дерзость!

«Определенно, он несносный грубиян», — мысленно утвердился в своем мнении Шэн Лююй.

Подперев ладонью подбородок, Шэн Лююй уныло размышлял о своем безрадостном будущем. Придется смириться: отныне он обычный ученик, обреченный корпеть над книгами и дрожать перед экзаменаторами.

С тяжелым вздохом он отложил нефритовую дощечку и случайно задел стоявшую рядом корзину. Внутри тускло поблескивали принесенные Сэ Чанмином духовные плоды.

«Должно быть, этот негодяй устыдился своего поведения в бамбуковой роще и решил загладить вину», — высокомерно рассудил он.

Однако старая обида еще не утихла, а новая лишь подлила масла в огонь. Неужели этот глупец всерьез полагал, будто горсть дешевых ягод заставит его сменить гнев на милость?

«Божественные птицы не принимают подачек».

В этот патетический момент в животе Шэн Лююя отчетливо заурчало.

А затем еще раз, куда громче.

К счастью, поблизости не было свидетелей этого позора, так что можно было сделать вид, будто ничего не произошло.

«В конце концов, я — великое божественное создание, исполненное великодушия, — убеждал себя Шэн Лююй. — Не пристало мне судить о людях по паре досадных оплошностей».

Решив проявить снисходительность и принять извинения Сэ Чанмина, он небрежно выудил из корзины один плод и откусил кусочек. Однако, едва разжевав мякоть, замер с набитым ртом, не в силах сглотнуть.

Хотя плоды и впрямь изобиловали духовной энергией, на вкус они оказались на редкость посредственными — совершенно не под стать его изысканным запросам.

«Сам сидел над целой горой сочных кедровых орехов, а мне притащил эту кислятину!» — разочарованно подумал он.

Кое-как проглотив невнятное варево, Шэн Лююй брезгливо бросил недоеденный плод обратно в корзину.

Отодвинув от себя подношение подальше, он достал флакон с пилюлями отречения от пищи и с яростным хрустом разжевал одну.

В эту минуту он мысленно принес нерушимую клятву: даже если ему суждено умереть от голода на Пике Зеленого Пришествия, он больше никогда в жизни не притронется к мирской еде и не возьмет у этого несносного грубияна ни единого кедрового орешка.

<http://bllate.org/book/18249/1750585>